

I.

БОЙ ПОДЪ ОЛЬТЕНИЦЕЮ

23-го октября 1853 года.

(Съ планомъ).

Во второй половинѣ октября, русскія войска, занимавшія княжества Молдавію и Валахію, подъ начальствомъ командующаго войсками 4-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ, генераль-адъютанта князя Горчакова, были растянуты на значительномъ протяженіи вдоль нижняго Дуная.

Правый флангъ, состоявшій изъ отряда генераль-лейтенанта Фишбаха, занималъ столицу Малой Валахіи, г. Краіово, имѣя авангардъ въ с. Боелешти, а лѣвый, подъ начальствомъ генераль-адъютанта Лидерса—низовья Дуная, у Сулина, Килии, Измаила и Рени. Для прикрытія ближайшихъ подступовъ къ Бухаресту, гдѣ находилась главная наша квартира, госпитали, парки и склады, были выдвинуты къ сторонѣ Дуная, подъ главнымъ начальствомъ командира 4-го пѣхотнаго корпуса, генераль-отъ-инфантеріи Данненберга, два авангарда: правый, подъ командою начальника 10-й пѣхотной дивизіи генераль-лейтенанта Соймонова, въ составѣ одного гусарскаго полка, 4-й легкой кавалерійской дивизіи съ конною батареею и 2-й бригады 10-й пѣхотной дивизіи съ двумя батареями, занималъ с. Фратешти-Одая, имѣя два баталіона въ авангардѣ въ городѣ Журжѣ, а лѣвый подъ командою начальника 11-й пѣхотной дивизіи генераль-маіора Павлова, въ составѣ Селегинскаго пѣхотнаго полка, шести эскадроновъ Ольвиопольскаго уланскаго полка съ двумя дивизіонами пѣшей батареей № 3-го батареи и легкой № 5-го батареи 11-й артилерійской бригады и взвода донской

№ 9-го батареи, стояль въ с. Будешти, въ 22-хъ верстахъ отъ Ольтеницы.

Передовые посты по Дунаю въ авангардѣ Соймонова были заняты пятью сотнями донскаго казачьяго № 4-го полка, въ перемѣшку съ валахскою милиціею (граничарами) отъ с. Парену до озера Гряка, а въ авангардѣ Павлова тремя сотнями донскаго № 34-го подполковника Власова полка, отъ озера Гряка до с. Корницели, на протяженіи 60-ти верстъ. Въ с. Ольтеницѣ былъ расположенъ полковой штабъ № 34-го полка съ сотнею казаковъ, а для поддержки ихъ былъ выдвинутъ дивизионъ Ольвиопольскаго полка въ Негаешти, въ 18-ти верстахъ отъ Ольтеницы, по дорогѣ въ Бухарестъ.

Въ видѣ общаго резерва для обоихъ авангардовъ, при корпусной квартирѣ 4-го корпусъ, въ с. Добрени, въ 20-ти верстахъ отъ Будешти, по проселочной дорогѣ на Бухарестъ, былъ поставленъ Якутскій пѣхотный полкъ съ восьмью орудіями батареиной № 3-го и легкой № 5-го батареи 11-й артилерійской бригады.

Для связи отрядовъ Соймонова и Фишбаха служилъ донской казачій № 37-го подполковника Шапошника полкъ, выдвинутый въ с. Плоска, а наблюденіе за пространствомъ между авангардомъ Павлова и войсками Лидерса было возложено на отрядъ генераль-адъютанта графа Анрена-Эльмита, расположенный въ Слободзеѣ и окрестностяхъ, и генераль-маіора Энгельгардта, занимавшій Браиловъ и Галацъ.

Главнымъ же резервомъ всѣмъ войскамъ на Дунаѣ служила 12-я пѣхотная дивизія съ ея артилеріею, 4-й стрѣлковый баталіонъ и четыре роты саперъ, расположенные въ Бухарестѣ и окрестностяхъ, и 1-я бригада 5-й легкой кавалерійской дивизіи, занимавшая сс. Клежаны и Дорешти.

Война Турціи не была еще объявлена, когда письмомъ, полученнымъ въ нашей главной квартирѣ 27-го сентября, главнокомандующій турецкою арміею, Омерь-паша, объявилъ, что если, чрезъ 15 дней по полученіи этого письма, русскіе не очистятъ княжествъ, то Турція начнетъ военныя дѣйствія. Несмотря на это, всѣ начальники нашихъ войскъ, расположенныхъ по Дунаю, продолжали еще руководствоваться даннымъ имъ приказаніемъ: «въ случаѣ переправы турокъ, не завязывая дѣла, выслать къ нимъ парламентаря и просить ихъ удалиться на свою сторону Дуная и только въ самомъ крайнемъ случаѣ употреблять противъ нихъ силу оружія».

Но когда у насъ такимъ образомъ сдерживали войска, главно-

командующій противника распорядился совсѣмъ иначе. Турки, недождавшись формальнаго объявленія войны, сочли за лучшее переправиться на нашу сторону и захватить все, что могли, пользуясь малочисленностью нашихъ войскъ и излишнею уступчивостью въ образѣ дѣйствій. По свѣдѣніямъ, къ сожалѣнію, весьма неточнымъ, по ненадежности нашихъ лазутчиковъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ главныя силы турецкой арміи были сосредоточены въ Шумлѣ, занимая отрядами, довольно сильными, всѣ важнѣйшія мѣста по Дунаю, а именно: Исакчу, Гирсовъ, Мачинъ, Туртукай, Руцукъ, Систовъ, Никополь, Раховъ и Видинъ, не считая мелкихъ пунктовъ. Общая численность арміи, состоявшей подъ командою Омерь-паши, считалась въ 120,000 человекъ. Войска эти находились въ своей странѣ, могли получать безъ затрудненій все необходимое для довольствія, разумѣется настолько, насколько это возможно при турецкой администраціи, и занимали болѣею частью сильно укрѣпленные пункты на томъ берегу Дуная, который почти вездѣ господствуетъ надъ противоположною стороною рѣки. Въ добавленіе къ этому Омерь-паша, имѣя разрѣшеніе вести наступательную войну, могъ ежеминутно тревожить своего слабago по численности противника, оставляя его въ то же время въ неизвѣстности, какъ относительно мѣста дѣйствительной переправы черезъ Дунай, такъ и на счетъ направленія главныхъ силъ турецкой арміи.

Турецкій главнокомандующій не замедлил воспользоваться этими важными преимуществами своего положенія.

Въ ночь съ 3-го на 4-е сентября турки заняли валахской островъ, лежащій между Видиномъ и Калафатомъ, а 15-го октября — и самый Калафатъ. 3-го октября, они, въ числѣ 1,500 чел., переправились на нашъ берегъ изъ Никополя и успѣли пограбить въ г. Турно; 10-го октября, ночью, сняли казачій пикетъ противъ Туртукай, а 20-го октября сдѣлали попытку на валахской островъ Чорой, противъ Журжи, и заняли здѣсь же островъ Моканъ. Особенная же дѣятельность турокъ по сосредоточенію войскъ и возведенію укрѣпленій была замѣчена въ Силистріи, Туртукаѣ, Руцукѣ и Видинѣ.

Не въ такихъ условіяхъ находился главный начальникъ русскихъ войскъ.

Съ арміею въ 75,000 человекъ, онъ долженъ былъ охранять отъ прорыва огромную по протяженію линію Дуная отъ Турно-Северина до устьей (не говоря объ изгибахъ рѣки, по прямому почтовому пути черезъ Крайово, Бухарестъ, Браиловъ и до погранич-

наго нашего города Рени считалось около 600 версть), защищать все находившееся по сю сторону этой линии население и поддерживать сообщение съ Россією, находясь притомъ въ убѣжденіи, что всякій шагъ русскихъ войскъ въ княжествахъ дѣлается извѣстнымъ Омерь-пашѣ. Волей или неволей, а для удовлетворенія этихъ потребностей онъ долженъ былъ разбросать свои войска по Дунаю, что въ дѣйствительности и было, но отъ этого положеніе наше немного улучшилось. Постоянно быть готовымъ броситься изъ Бухареста въ ту или другую сторону для подкрѣпленія отрядовъ, сумѣть замѣнить числительность быстротою движенія и въ то же время не смѣть выйти изъ своего тяжелого положенія переходомъ въ наступленіе—задача трудная, неблагоприятная и требовавшая неусыпной бдительности отъ князя Горчакова. А тутъ еще подошла осень, полили дожди, дороги испортились и солдаты, увязая въ грязи, едва успѣвали проходить даже обыкновенные переходы.

Попытки, сдѣланныя турками, прорваться въ разныхъ мѣстахъ на нашу сторону, приготовленія, совершаемыя ими на глазахъ нашихъ въ Руцукѣ, Туртукаѣ, Видинѣ и Силистріи—все показывало намѣреніе непріятеля форсировать переправу черезъ Дунай; но вопросъ о томъ, куда именно направятся его главныя силы, оставался невыясненнымъ.

Едва успѣлъ нашъ главнокомандующій узнать о сосредоточеніи турецкихъ войскъ подъ Силистрією и усилить 2-ю бригадою 11-й пѣхотной дивизіи отрядъ графа Аврена-Эльмита у Слободзеи, какъ занятіе непріятелемъ Калафата дѣлало вѣроятнымъ предположеніе, что турки, пользуясь для прикрытія своего фланга нейтралитетомъ Австріи, направятся въ значительныхъ силахъ въ Малую Валахію, на помощь ожидавшимъ ихъ мѣстнымъ агитаторамъ. Не успѣли у насъ сдѣлать распоряженій по обезпеченію отряда генерала Фишбаха, какъ турки съ особой настойчивостью начали форсировать переправы у Журжи и Ольтеницы. Куда броситься, какъ посѣть повсюду съ тѣми малыми силами, которыя оставались подъ рукою у князя Горчакова? Но такова всегда участь обороняющагося, таковы невыгоды его положенія: постоянная тревога, постоянная напряженность.

Повидимому, Омерь-пашѣ ближе всего было броситься на Бухарестъ, по кратчайшему направленію, черезъ Журжу или Ольтеницу, если только онъ дѣйствительно хотѣлъ занять этотъ городъ, какъ тогда утверждали нѣкоторыя иностранныя газеты. Но, вѣдь, конечно, турецкій военачальникъ зналъ хорошо, что съ этой сто-

роны у насъ расположены довольно значительные отряды, что, отступая, они наведутъ его на главный нашъ резервъ, при которомъ находился и главнокомандующій; что здѣсь каждый шагъ впередъ необходимо брать грудью, тогда какъ, переправясь въ другомъ мѣстѣ, напримѣръ, на сообщенияхъ князя Горчакова съ флангами, онъ могъ отдѣльно разбить какую-либо часть нашихъ войскъ и обходнымъ движеніемъ достигнуть не менѣе важныхъ результатовъ, чѣмъ ломаясь прямо на Бухарестъ. Послѣднія соображенія были, вѣроятно, причиною, почему на первыя попытки Омера-паши утвердиться у Журжи и Ольтеницы съ нашей стороны не было обращено достаточно вниманія, и дѣйствія турокъ въ этихъ направленіяхъ сочтены были за демонстраціи, прикрывавшія какія либо другія цѣли ихъ предводителя.

20-го октября начальникъ лѣваго авангарда, генераль-майоръ Павловъ, спокойно обѣдалъ въ Будешти, когда прискакавшій изъ Ольтеницы казакъ донесъ ему, что въ ночь съ 19-го на 20-е октября, пользуясь сильнымъ туманомъ, турки переправились у Туртукая и заняли островъ, лежащій около устья рѣки Аржиса; что непріятель уже обстрѣлывалъ съ лодокъ лѣвый берегъ Дуная и устроилъ на мысѣ острова батарею. Но прежде чѣмъ продолжать разсказъ, слѣдуетъ познакомиться съ мѣстностью обоихъ береговъ Дуная, въ пунктѣ, избранномъ турками для переправы ¹⁾.

Рѣка Аржисъ впадаетъ въ Дунай съ лѣвой стороны прямо противъ турецкой крѣпости Туртукая, дѣлая при самомъ устьѣ изгибъ, почти параллельный Дунаю. На лѣвомъ берегу Аржиса, около устья, стояло большое четырехугольное каменное зданіе, извѣстное подъ названіемъ «Ольтеницкаго карантина», а далѣе, внизъ по лѣвому берегу Дуная, были построены будки валахской пограничной стражи. Въ двухъ верстахъ къ сѣверу отъ карантина, по большой дорогѣ на Бухарестъ, расположено на лѣвой сторонѣ Аржиса с. Новая Ольтеница, и за нимъ, въ разстояніи 250 сажень, на той же дорогѣ, с. Старая Ольтеница. Само ольтеницкое поле, т. е. пространство между Новой Ольтеницей и карантиномъ, представляетъ равнину, имѣющую легкій склонъ къ Дунаю; поле это, составляя уголь между Аржисомъ и Дунаемъ, весною заливается водою, имѣетъ почву мокрую и перерѣзано мелкими ложбинами—стоками ручьевъ во время дождей. Лѣвый берегъ Аржиса низменъ, поросъ кустами и въ рѣдкихъ мѣстахъ лѣсомъ, а берегъ Дуная покрытъ кустами и

¹⁾ См. прилагаемый планъ Ольтеницкаго сраженія.

камышемъ. Отсюда понятно, что при дождливой погодѣ почва этой мѣстности дѣлалась вязкою и мѣстами трудно проходимою.

Между Туртукаемъ и устьемъ Аржиса лежитъ лѣсистый островъ, ближе къ валахской сторонѣ Дуная, турецкій берегъ котораго, противъ карантинна, обрывами спускается къ рѣкѣ и настолько возвышенъ надъ лѣвымъ берегомъ, что совершенно командуетъ имъ; такимъ образомъ, при вооруженіи туртукайскихъ батарей орудіями дальняго боя, движеніе войскъ въ сомкнутомъ строѣ по ольтеницкому полю дѣлается почти невозможнымъ. Ширина Дуная ниже устья Аржиса не превосходитъ 250 сажень. Расстояніе отъ карантинна до батарей, устроенныхъ турками на островѣ, до 400 сажень, а до Новой Ольтеницы—около двухъ верстъ.

Мы оставили генерала Павлова, занятаго обѣдомъ и разпросами казака о томъ, что дѣлается подъ Ольтеницею. Выслушавъ посланнаго, Павловъ тотчасъ же распорядился двинуть свой отрядъ изъ Будешти въ Негоешти, донесъ обо всемъ корпусному командиру въ Добрени и послалъ къ мѣсту переправы своего адъютанта, чтобы удостовѣриться въ справедливости донесеній казака.

21-го октября, къ полудню, турки сильно уже заняли карантинъ; съ острова полетѣли ядра и гранаты. Двѣ слабыхъ казачьи сотни отошли отъ Дуная, потому что турецкая кавалерія, высадившись на правый берегъ Аржиса и перейдя рѣку въ бродъ, начала гарцовать на ольтеницкомъ полѣ. Тѣмъ временемъ, турецкія лодки непрерывно сновали по рѣкѣ, перевозя значительныя массы пѣхоты къ карантину, вслѣдствіе чего подполковникъ Власовъ былъ вынужденъ возвратитъ адъютанта къ начальнику авангарда съ настоятельною просьбою о подкрѣпленіи. Адъютантъ отправился и прибылъ въ тотъ же день въ Будешти.

Такъ прошло двое сутокъ со времени начала переправы турокъ на островъ.

Что же дѣлали въ это время войска, стоявшія сзади Ольтеницы, и какія распоряженія были отданы отряднымъ и корпуснымъ командирами?

Находившійся въ Добрени командиръ 4-го корпуса, генералъ Данненбергъ, на донесеніе Павлова приказалъ начальнику своего штаба, генералу Мартинау, отвѣчать, что не слѣдовало бы тревожить отряда и ставить его въ ружье по случаю переправы 20-ти турокъ на одной лодкѣ; вслѣдствіе этого, генералъ Павловъ воротилъ въ Будешти войска, двинутыя имъ въ Негоешти, и самъ, по требованію корпуснаго командира, отправился для личныхъ съ нимъ

объясненій въ с. Добрени. За отъѣздомъ Павлова, начальникомъ войскъ въ Будешти остался командиръ Ольтеницкаго уланскаго полка, полковникъ Козляниновъ 1-й, къ которому и обратился съ донесеніемъ прискакавшій, какъ выше сказано, изъ Ольтеницы адъютантъ.

Выслушавъ адъютанта, Козляниновъ послалъ съ докладомъ въ Добрени, обѣщавъ двинуть на помощь казакамъ дивизионъ уланъ. Въ Добрени адъютантъ разсказалъ все генералу Данненбергу и нашелъ у него генерала Семякина, прибывшаго съ приказаніемъ отъ главнокомандующаго: выбить турокъ съ лѣваго берега Дуная, согласно представленію Данненберга. Корпусный командиръ былъ очень обрадованъ разрѣшенію драться и, вечеромъ, 21-го октября, отправилъ адъютанта къ генералу Павлову съ особымъ предписаніемъ, въ которомъ было сказано:

«Согласно предположеніямъ господина командующаго войсками, предлагаю вашему превосходительству завтрашняго числа, въ 9 часовъ утра, выступить въ Митрени-Орудени въ томъ порядкѣ, который мною вамъ сего числа лично былъ объясненъ. По прибытіи въ Фувдени и давъ отдыха часа три, направить, подъ командою полковника Козлянинова 2-го, дивизионъ уланъ съ двумя орудіями конноказачьей артилеріи и со всеми казаками, которые будутъ подъ рукою у вашего превосходительства, къ Ольтеницѣ, съ предписаніемъ открыть силы и расположить пѣхоту, перешедшихъ на лѣвый берегъ Дуная у Ольтеницкаго карантинна. Полковнику Козлянинову вмѣнить въ обязанность не подвергать въремьемаго ему отряда напрасному уроцу, а, напротивъ, стараться, отступая, навести неприятеля на пѣхоту, которая будетъ расположена въ выгодной, вами же избранной, позиціи. При выстуленіи изъ Будешти, оставить при Негоештскомъ мосту, для охраненія оного, одинъ батальонъ съ двумя легкими орудіями. Четыремъ эскадрамъ Ольтеницкаго уланскаго полка, собравшимся въ Будешти, слѣдовать за пѣхотою въ разстояніи одной версты.

«Увѣдомляю ваше превосходительство для свѣдѣнія вашего, что завтрашняго же числа, въ 7 часовъ утра, выступить Якутскій пѣхотный полкъ изъ лагеря при Добрени и прибыть къ Негоештскому мосту около двухъ часовъ пополудни. По прибытіи сего полка къ Негоештскому мосту, батальонъ, вами тамъ оставленный, съ двумя орудіями, отправится немедленно для присоединенія къ вашему отряду.

«Дальнѣйшее распоряженіе ожидать отъ меня по прибытіи моемъ въ Будешти или къ отряду вашему.

«Если же до моего прибытія неприятель сталъ бы напирать на вашъ отрядъ, то дѣйствовать по обстоятельствамъ, согласно съ даннымъ мною вашему превосходительству сего числа наставленіемъ, донося во всякомъ случаѣ обо всемъ, что вами будетъ замѣчено со стороны неприятеля.

Согласно съ этимъ предписаніемъ, въ 9 часовъ утра, 22-го октября, войска Павлова, послѣ молебна, двинулись къ Дунаю и, сдѣлавъ переходъ, расположились на позиціи у Старой Ольтеницы, въ ожиданіи прихода Якутскаго полка и артилеріи.

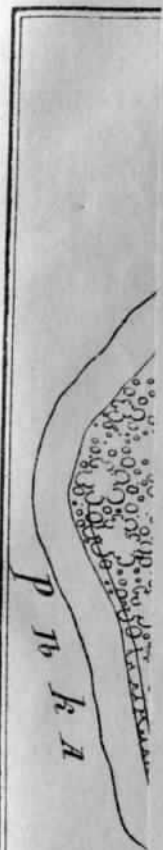
Итакъ, движеніе къ Ольтеницѣ было рѣшено. Но, прежде чѣмъ

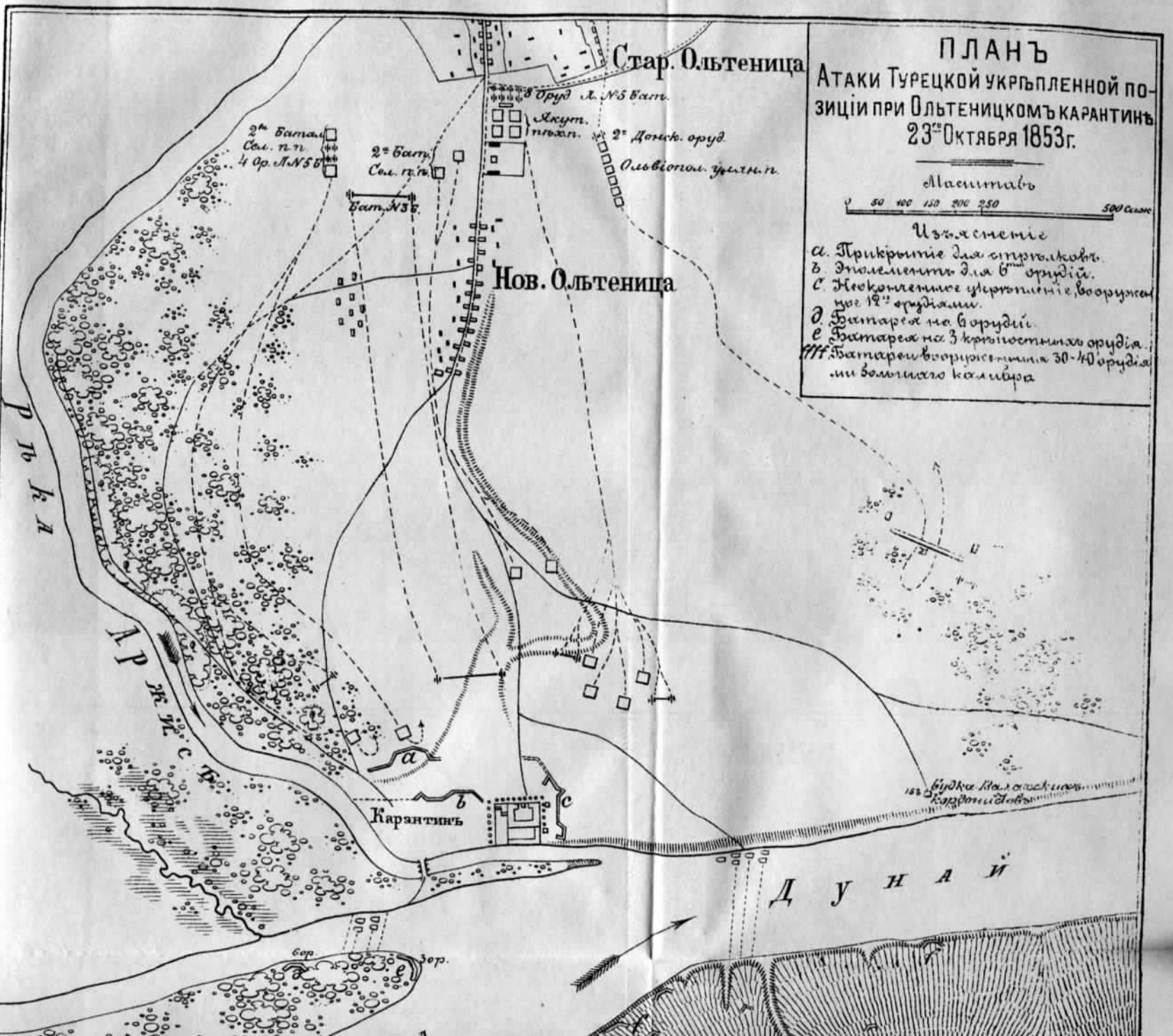
приступить къ описанію дальнѣйшихъ дѣйствій, необходимо разсказать о распоряженіяхъ главной квартиры, которыми разрѣшалась атака турецкой позиціи.

Выше было сказано, что генераль Данненбергъ, донося главнокомандующему о переправѣ турокъ, испрашивалъ у князя Горчакова разрѣшеніе немедленно атаковать непріятеля, что и было ему дозволено чрезъ посланнаго изъ главной квартиры генерала Семякина, а также предписаніемъ отъ 22-го октября № 1775, въ которомъ говорилось: «Я совершенно одобряю намѣреніе вашего высокопревосходительства атаковать турокъ не позже завтрашняго числа—начните атаку съ разсвѣтомъ». Не довольствуясь этимъ, главнокомандующій (того же числа № 1782) вновь сообщалъ Данненбергу: «Во что бы то ни стало надо выбить непріятеля съ лѣваго берега Дуная. Если вы будете имѣть вѣрную надежду разбить непріятеля съ вашими двумя полками пѣхоты и однимъ кавалерійскимъ, то атакуйте завтра же; если нѣтъ, то не завязывайте серьезнаго дѣла». Наконецъ, ночью, того же 22-го октября, князь Горчаковъ послалъ третье предписаніе Данненбергу, № 744, въ которомъ говорилъ: «атакуйте завтра, 23-го числа, сколь можно ранѣе, не ожидая полка герцога Нассаускаго, который притомъ можетъ придти и позже. Сутки потерянные могутъ имѣть невозвратимыя послѣдствія. Я сейчасъ получилъ извѣстіе о переправѣ турокъ около Слободзеи (близъ Журжи) — это серьезнѣе; поэтому я сосредоточиваю 12-ю дивизию у Крицешти».

Изъ переписки этой нельзя не замѣтить той борьбы, которая происходила въ самомъ князѣ Горчаковѣ при отдачѣ имъ трехъ приказаній объ атакѣ въ одинъ и тотъ же день, что, впрочемъ, совершенно согласовалось съ характеромъ князя, крайне осторожнымъ и рѣшительнымъ.

Сначала отдается положительный приказъ атаковать, потомъ атаковать уже условно, т. е., если Данненбергъ будетъ имѣть вѣрную надежду разбить непріятеля и, наконецъ, вечеромъ, рѣшительное приказаніе атаковать 23-го числа и притомъ какъ можно ранѣе. Чтобы объяснить такое колебаніе главнокомандующаго, помимо особенностей его характера, надо сказать, что первое приказаніе было дано, когда попытка турокъ представлялась дѣломъ незначительнымъ; второе, когда было уже получено донесеніе о сосредоточеніи турецкихъ войскъ на лѣвомъ берегу Дуная и объ укрѣпленіи карантина, и, наконецъ, третье—на основаніи рекогносцировки, произведенной генеральнаго штаба подполковникомъ Эрнротомъ,

ПЛАНЪ
Атаки Турецкой укрѣпленной по-
зиціи при Ольтеницкомъ карантинѣ
23го Октября 1853г.

Масштабъ
 0 50 100 150 200 250 500 Сажень

- Узлы сметы
- а. Прикрытие для стрѣлковъ.
 - б. Эпюменты для 6^{ти} орудій.
 - в. Новоконечное укрѣпленіе, вооруженное 12^{ти} орудіями.
 - г. Батарея на 6 орудій.
 - д. Батарея на 3 крепостныхъ орудій.
 - е. Батарея вооруженная 30-40 орудіями большого калибра.

къ изложенію которой мы сейчасъ и обратимся. Изъ предписанія, даннаго Павлову Данненбергомъ видно, что рекогносцировку предположено было произвести полковнику Козлянинову, но на дѣлѣ вышло иначе. Желая повѣрить донесенія передовыхъ постовъ и не довольствуясь сообщеніями генерала Данненберга, главнокомандующій захотѣлъ непосредственно удостовѣриться въ силахъ и расположеніи турецкихъ войскъ на лѣвомъ берегу Дуная и съ этою цѣлью командировалъ изъ главной квартиры въ Ольтеницу начальника топографическаго отдѣленія управленія генераль-квартирмейстера, генеральнаго штаба подполковника Эррота.

Рекогносцировка турецкой позиціи была сдѣлана Эрротомъ 22-го октября, въ полдень, подъ прикрытіемъ дивизіона ольвиопольскихъ уланъ, сотни казаковъ и двухъ казачьихъ орудій.

Обозрѣніе это показало, что зданія карантина укрѣпляются, что рабочаго народа тамъ согнано много, но что не весь еще карантинъ прикрытъ укрѣпленіями; численность войска опредѣлить трудно, сколько же можно судить, турокъ было не болѣе трехъ баталіоновъ съ частью кавалеріи, и что снаряды съ батареей праваго берега Дуная долетаютъ до с. Новой Ольтеницы. Такъ передавался въ главной квартирѣ результатъ рекогносцировки, причемъ добавлялось, что подполковникъ Эрротъ при докладѣ князю Горчакову вызывался взять карантинъ съ двумя баталіонами. Въ какой степени справедливъ приводимый рассказъ—не знаемъ, мы же лично слышали только, какъ подполковникъ Эрротъ передавалъ, что онъ засталъ часть карантина не прикрытую полевыми укрѣпленіями, ибо хорошо видѣлъ форму турецкихъ солдатъ, начиная съ сапоговъ. Какъ бы, однако, ни было, а эта рекогносцировка окончательно рѣшила вопросъ и вызвала вышеприведенное третье предписаніе главнокомандующаго генералу Данненбергу.

Между тѣмъ, какъ шли передвиженія нашихъ войскъ, турки безъ устали работали около карантина, согнавъ множество болгаръ съ праваго берега для возведенія укрѣпленій, и къ утру 23-го числа позиція ихъ имѣла уже довольно грозный видъ. На планѣ, представленномъ при официальномъ донесеніи объ Ольтеницкомъ дѣлѣ, показано большое полевое укрѣпленіе на 12 орудій, хотя и не вполне оконченное, прикрывавшее карантинъ со стороны Ольтеницы и низовій Дуная. Лѣвѣе карантина, пространство между этимъ зданіемъ и рѣкою Аржисомъ замкнуто ретраншаментомъ, брустверъ

котораго былъ увѣнчанъ турами; сзади ретраншаментъ сооруженъ эполементъ для шести орудій ¹⁾).

Для поддержки карантинной позиціи устроены на островѣ двѣ батареи: одна—на мысу, на три крѣпостныхъ орудія, а другая—нѣсколько лѣвѣе, на шесть орудій, не говоря о засѣкахъ и завалахъ вдоль берега острова. Правѣе карантина, на Дунаѣ поставлено нѣсколько судовъ для обстрѣливанія ольтеницкаго поля, а для сообщенія съ правымъ берегомъ Аржиса устроены выше карантина мосты на судахъ. Въ довершеніе этой сильной обороны турки позаботились покрыть батареями и весь горный берегъ Дуная у Туртукая, возведя ихъ какъ у подошвы горъ, такъ и по срединѣ и на самыхъ высотахъ. Батареи эти, вооруженныя 30—40 орудіями большаго калибра, могли обстрѣливать ольтеницкое поле, и войска наши, выйдя изъ Ольтеницы, представлялись какъ на ладони для непріятеля, занимавшаго Туртукай.

По собраннымъ послѣ дѣла свѣдѣніямъ, число турецкихъ войскъ, находившихся на лѣвомъ берегу Дуная, простиралось до 8,000, въ томъ числѣ два баталіона штучерныхъ; кромѣ того, былъ сильно занятъ островъ, а въ Туртукаѣ сосредоточено до 20,000, подъ личнымъ начальствомъ Омеръ-паши.

22-е октября генераль Павловъ простоялъ на позиціи около Старой Ольтеницы въ ожиданіи прибытія изъ Добрени Якутскаго пѣхотнаго полка съ артилеріею и корпуснаго командира.

Войска проводили на бивакахъ канунъ предстоящаго боя. Моросилъ дождь... Но, несмотря на это, весело и бодро перебѣгали солдаты отъ костра къ костру съ тѣмъ непринужденнымъ балагурствомъ, къ которому такъ способенъ русскій человѣкъ, даже въ критическія минуты своей жизни. Какой духъ, какая увѣренность были въ этихъ людяхъ! Избѣгнувъ тѣхъ частыхъ передвиженій, которыя достались на долю другихъ частей, занимаясь въ лагерѣ только легкими стрѣлковыми ученьями и играми, получая по $\frac{3}{4}$ фунта мяса въ день на человѣка, по три чарки водки въ недѣлю, солдаты 1-й бригады 11-й дивизіи были сыты, веселы и бодры. Они ждали боя и желали помѣряться съ туркомъ; трудно представить хотя одно показаніе очевидца, которое бы не говорило, что духъ, съ какимъ войска наши вступали въ Ольтеницкое дѣло, былъ такой, какому позавидовала бы любая армія въ мірѣ. Все рвалось въ бой, начи-

¹⁾ По измѣреніямъ, сдѣланнымъ по оставленіи турками карантина, глубина рововъ, окружавшихъ укрѣпленія, оказалась въ одну сажень, высота брустверовъ—4 фута и толщина насыпей—10—12 футовъ.

ная отъ генерала и кончая солдатомъ, и если въ чью-либо голову забиралась тяжелая мысль, то она состояла въ опасеніи, какъ бы непріятель не ушелъ за Дунай прежде нашей атаки.

Стоя на бивакѣ, вечеромъ 22-го октября, генераль Павловъ получилъ предписаніе начальника штаба 4-го корпуса отправить дивизионнаго квартирмейстера, капитана Феоктистова, для рекогносцировки праваго берега Аржиса къ сторонѣ Дуная, на сколько возможно. Утромъ 23-го, около 9-ти часовъ, прибылъ корпусный командиръ и, обозрѣвъ передовые посты, остановился въ крайнемъ домѣ Старой Ольтеницы. Здѣсь были собраны всѣ главные начальники войскъ и имъ была передана диспозиція для боя; здѣсь капитанъ Феоктистовъ, возвратившійся съ рекогносцировки, донесъ о результатѣ ея не начальнику своему, генералу Павлову, а начальнику корпуснаго штаба, генералу Мартинау; наконецъ, тутъ же было объявлено о назначеніи состоять въ качествѣ дивизионнаго квартирмейстера 11-й дивизіи, генеральнаго штаба капитану Батезатулу, а Феоктистову приказано находиться при начальникѣ корпуснаго штаба.

Диспозиція была слѣдующаго содержанія:

«По прибытіи Якутскаго пѣхотнаго полка съ находящеюся при немъ артилеріею на позицію за Старую Ольтеницею, Селенгинскому пѣхотному полку выступить въ слѣдующемъ порядкѣ:

«Въ головѣ колонны всѣ штучерные полка; потомъ 1-й баталіонъ въ походной колоннѣ изъ середины; за нимъ четыре легкія орудія; 2-й баталіонъ въ томъ же порядкѣ, какъ и 1-й; за 2-мъ баталіономъ 12 батарейныхъ орудій; за артилеріею 3-й и 4-й баталіоны того же полка.

«Пройдя Старую Ольтеницу, штучерные, 1-й баталіонъ, четыре легкія орудія и 2-й баталіонъ поворачиваютъ на право и, подойдя къ Аржису, слѣдуютъ лѣвымъ его берегомъ для составленія праваго фланга наступательнаго боеваго порядка, оставаясь сначала правѣе батарейной батареи на одной съ нею высотѣ. Двѣнадцать орудій выстраиваются на большихъ интервалахъ вправо отъ дороги, ведущей изъ Старой въ Новую Ольтеницу, и ожидаютъ дальнѣйшаго распоряженія. Лѣвѣе артилеріи располагаются уступомъ 3-й и 4-й баталіоны Селенгинскаго пѣхотнаго полка. Всѣ баталіоны какъ праваго, такъ и лѣваго прикрытія артилеріи, по мѣрѣ прибытія въ назначенныя мѣста, выстраиваются въ колонны къ атакѣ. Якутскому пѣхотному, по выступленіи Селенгинскаго, слѣдовать съ восемью легкими орудіями также чрезъ Старую Ольтеницу и остановиться въ резервномъ порядкѣ за Новою Ольтеницею. Салерной ротѣ находится за Якутскимъ пѣхотнымъ полкомъ».

«Ольвиопольскій уланскій полкъ съ двумя орудіями конной казачьей артилеріи слѣдуетъ за пѣхотою и, пройдя Старую Ольтеницу, выстраивается въ обыкновенномъ боевомъ порядкѣ, лѣвѣе Новой Ольтеницы, такъ чтобы стоять сначала вѣе выстрѣловъ непріятельской артилеріи. Коннымъ орудіямъ расположиться за полкомъ для дѣйствія по обстоятельствамъ».

Далѣе было сказано, что всею пѣхотою командовать генералу Павлову, артилеріею—генералу Сикстелю, а правымъ флангомъ пѣхоты—генералу Охтерлоне, причемъ послѣднему вмѣнялось въ обязанность, пользуясь кустарникомъ, придвинуть штуцерныхъ ближе къ непріятелю, дабы безпокоить прислугу его артилеріи. Генералу Сикстелю приказано было поставить батарейную батарею на 400 саж. отъ карантина и тутъ открыть огонь. Распоряженіе кавалеріею корпусный командиръ оставилъ за собою. Всѣ донесенія велѣно присылать въ Новую Ольтеницу, гдѣ будетъ находиться генералъ Данненбергъ.

Диспозиція была принята войсками съ радостью; они двинулись въ бой такъ быстро, что частные начальники вынуждены были изъ опасенія утомленія умѣрять ихъ порывы. Отъ бывшихъ дождей почва растворилась, сухія русла ручьевъ наполнились водою, но войска шли точно на плацу и выстроились какъ на ученьи въ колонны къ атакѣ, имѣя головы колоннъ на одной линіи, хотя, конечно, съ перваго же взгляда на поле сознали, что они должны служить подвижною мишенью для всѣхъ турецкихъ батарей. Лихо вынеслась батарейная № 3-го батарея, быстро развернулась на 650 саж. отъ карантина и пошла впередъ, а генералъ Охтерлоне въ то же время повернулъ съ двумя баталіонами Селенгинскаго полка и четырьмя орудіями легкой № 5-го батареи къ Аржису для занятія праваго фланга позиціи.

Было 12¹/₂ часовъ утра, когда раздался первый пушечный выстрѣлъ. Батарейная батарея начала громить карантинъ съ 450 саж. и, переѣзжая съ позиціи на позицію, дошла до 250 саж.; въ то же время карантинъ обстрѣливали четыре орудія легкой № 5-го батареи, двигавшіяся по берегу Аржиса, а два донскихъ орудія дѣйствовали противъ турецкихъ судовъ, стоявшихъ у пристани. Со стороны непріятеля загремѣла страшная канонада: снаряды посыпались на пѣхоту, но это не смутило нашихъ войскъ; они взяли въ грязи и шли впередъ: около Аржиса—1-й и 2-й баталіоны Селенгинскаго полка, а въ центрѣ—3-й и 4-й баталіоны того же полка, имѣя позади Якутскій полкъ. У турокъ въ карантинѣ уже взорвало два ящика, батарейную батарею усилили восемью орудіями легкой № 5-го батареи и было около 3-хъ часовъ пополудни, когда лѣвая колонна двинулась на приступъ. Батареи, обогнавъ войска, открыли огонь съ дистанціи 200 сажень, а начальникъ артилеріи, почтенный старичекъ Сикстель, съ увлеченіемъ юноши, лично подвигалъ орудія все ближе къ карантину и руководилъ ихъ стрѣльбою.

Неудержимо стремились войска въ атаку..... Но вотъ головные баталіоны средней колонны: 3-й и 4-й Селенгинскаго полка, въ 100 сажень отъ непріятельскихъ укрѣпленій попадаютъ въ топкую канаву и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ остаются подъ сосредоточеннымъ огнемъ турецкой артилеріи и штуцерныхъ. Еще болѣе горькой участи подвергаются 1-й и 2-й баталіоны Селенгинскаго полка, вышедшіе изъ кустовъ лѣваго берега Аржиса для атаки карантина съ лѣвой стороны: несмотря на то, что ихъ встрѣчаетъ тотъ же смертоносный сосредоточенный огонь турокъ при проходѣ черезъ топкую канаву, они стремились впередъ, попадаютъ опять въ глубокой ручей, вязнуть выше колѣнъ, выбиваются изъ силъ, наконецъ, потерявъ почти всѣхъ офицеровъ, смѣшиваются въ толпу и открываютъ изъ колонны батальный огонь. Не взирая, однако, на такую бойню, 3-й и 4-й Селенгинскіе баталіоны и Якутскій полкъ, которому было прислано корпуснымъ командиромъ приказаніе вступить въ дѣло, продолжаютъ идти впередъ. Еще нѣсколько минутъ и артилерія наша начинаетъ громить турокъ съ разстоянія 120 сажень. Селенгинскіе баталіоны перестраиваются въ ротныя колонны. Соревнуя товарищамъ, якутскіе баталіоны, перестроенные въ такія же колонны, обгоняютъ селенгинцевъ; турки, изумленные подобнымъ нечеловѣческимъ напоромъ, свозятъ съ укрѣпленій пушки, огонь ихъ начинаетъ слабѣть; нѣсколько смѣльчаковъ изъ нашихъ охотниковъ, предводимые поручикомъ Зиненко и прапорщикомъ Раздеришинымъ, достигаютъ передовыхъ турецкихъ укрѣпленій. Но тутъ какъ разъ является ординарецъ корпуснаго командира спросить Павлова, надѣется ли онъ завладѣть карантиномъ? Генералъ отвѣчаетъ, что, вслѣдствіе огромныхъ потерь, взять карантинъ онъ не можетъ и чрезъ нѣсколько минутъ получаетъ съ тѣмъ же ординарцемъ приказаніе отступить¹⁾. Съ досадой повиновались войска; артилерія дала еще залпъ картечью и по турецкой конницѣ, выскакавшей было рубить нашихъ раненыхъ, оставленныхъ во рвахъ, и, затѣмъ, къ 5-ти часамъ все смолкло на страшномъ ольтеницкомъ полѣ. Турки, удивленные нашимъ отступленіемъ, прекратили пальбу, и отрядъ Павлова отошелъ и сталъ бивакомъ на вчерашней позиціи, выдвинувъ авангардъ къ выходу изъ Новой Ольтеницы.

Тихъ и мраченъ былъ въ этотъ вечеръ бивакъ русскихъ войскъ: съ перевязочнаго пункта неслись стоны раненыхъ, недалекихъ

¹⁾ Слышано отъ ординарца К. Г.

слышались отходныя молитвы надъ умершими; рыли могилы, считали выбывшихъ товарищей, а считать было кого: немаловажную потерю понесли наши войска въ этотъ памятный день.

По официальнымъ свѣдѣніямъ, мы потеряли 940 человекъ; изъ нихъ: убито 5 оберъ-офицеровъ и 231 нижнихъ чиновъ; ранено: 9 штабъ-офицеровъ, 30 оберъ-офицеровъ и 695 нижнихъ чиновъ. Потеря турокъ, будто бы, состояла изъ одного паша и 13 рядовыхъ убитыхъ, 72 раненыхъ и одного пропавшаго безъ вести¹⁾; но нѣтъ сомнѣнія, что эти цифры крайне уменьшены, ибо отъ одного картечнаго огня нашихъ батарей, съ разстоянія 120 сажень, турки должны были понести огромную потерю, не говоря уже о дѣйствии ружейнаго огня. Кромѣ того, у турокъ взорвано нашей артилеріей два зарядныхъ ящика и сожжено одно судно.

Все время битвы Омеръ-паша оставался на правомъ берегу Дуная, окруженный своею свитою и иностранными, преимущественно английскими офицерами, и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ оттуда за исходомъ боя.

Ольтеницкую битву, по всей справедливости, слѣдовало бы назвать битвою офицеровъ, какъ по огромному проценту этихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя, такъ, главное, по тому изумительному самоотверженію и отвагѣ, съ которыми они вели бой, находясь постоянно впереди солдатъ, не обращая вниманія на то, что, по рѣзкому отличію своей формы отъ нижнихъ чиновъ, представляли вѣрную цѣль турецкимъ стрѣлкимъ. Форма эта, дѣйствительно, на столько подвергала офицеровъ бесполезнымъ потерямъ, что вскорѣ послѣ Ольтеницкаго сраженія состоялось Высочайшее разрѣшеніе офицерамъ войскъ, расположенныхъ въ княжествахъ, носить шинели подъ цвѣтъ и форму солдатскихъ, только съ галунными погонами.

Посильными средствами чиновъ ольтеницкаго отряда была собрана небольшая сумма и на нее сдѣланъ вкладъ въ ольтеницкую православную церковь, для совершенія ежегодно панихиды въ день 23-го октября по убиеннымъ и воздвигнуть скромный памятникъ на могилѣ павшихъ подъ Ольтеницею воиновъ. Совершается ли поминовеніе и существуетъ ли даже этотъ памятникъ? А грѣхъ было бы намъ, русскимъ, забросить могилу храбрыхъ, этихъ первыхъ бойцевъ за честь и достоинство Россіи въ той кровавой драмѣ, которая окончилась славной обороной Севастополя.

¹⁾ «Journal de Francfort» (ноября 23-го 1853 года).

Недолго ликовалъ Омеръ-паша свою побѣду: страшный натискъ русскихъ войскъ въ ольтеницкомъ дѣлѣ заставилъ его пачать очистку карантина еще въ день самаго сраженія; затѣмъ, по отступленіи нашихъ войскъ, онъ пробовалъ было еще проманеврировать нѣсколько дней, то переводя часть пѣхоты съ острова на правый берегъ Аржиса, то переправляя на нашу сторону кавалерію изъ Туртукая, но все это дѣлалось для одного вида. Вѣроятно, получивъ свѣдѣніе, что князь Горчаковъ усилилъ ольтеницкій отрядъ и сосредоточиваетъ войска въ окрестностяхъ Будешти, куда перешла и главная квартира, Омеръ-паша счелъ за благо ретироваться во-свояси, и 31-го октября зажегъ карантинъ, взорвалъ ретраншаменты и, разведя мостъ на Аржисѣ, переправилъ сначала свои войска на островъ, а впослѣдствіи покинулъ и его.

Тяжело отозвалось ольтеницкое дѣло въ сердцѣ главнокомандующаго. Первый шагъ русскихъ войскъ, состоявшихъ подъ его командою, былъ неудаченъ. Дѣло это, конечно, ободрило турокъ и ихъ многочисленныхъ европейскихъ союзниковъ, а всего важнѣе оно могло умалить нашу силу въ глазахъ мѣстнаго населенія, для котораго русскіе служили единственною охраною отъ турецкихъ наѣздовъ. Но всѣ эти опасенія, которымъ въ первое время послѣ Ольтеницкаго сраженія предавался князь Горчаковъ, должны были исчезнуть съ той минуты, какъ онъ, сосредоточивъ резервы въ Будешти, самъ прибылъ туда для личнаго командованія. Несмотря на проливной дождь, подъ которымъ шли и бивакировали войска, несмотря на недавнія потери, онъ увидалъ тѣхъ же молодецъ, которыхъ зналъ и прежде; онъ могъ подмѣтить въ нихъ еще большее желаніе помѣряться съ турками, чѣмъ то, которое влекло солдатъ въ ольтеницкій бой. Когда Омеръ-паша покинулъ карантинъ, князь медленно вернулся въ Бухарестъ. Императоръ Николай, несмотря на неудачу ольтеницкаго дѣла, вполне, однако же, оцѣнилъ подвиги своихъ войскъ. Ограничившись объявленіемъ монаршаго благоволенія начальствующимъ лицамъ, Императоръ съ большою щедростію наградилъ всѣхъ прочихъ чиновъ. Всѣмъ бывшимъ въ сраженіи нижнимъ чинамъ пожаловано по рублю на человека, а раненымъ, смотря по ранамъ, отъ 5 до 100 рублей; кромѣ того, за особые подвиги храбрости были розданы знаки отличія военнаго ордена. Отличившіеся офицеры получили чины, ордена, а раненымъ, сверхъ того, пожаловано каждому отъ 100 до 300 рублей. Начальнику 4-й артилерійской бригады генералу Сикстелю пожалована золотая шпага, бриллиантами украшенная, съ

надписью «за храбрость». Но Государь не удовольствовался такими милостями; Онъ знаетъ, что есть еще другія награды, болѣе цѣнныя и животворныя, чѣмъ всевозможные наружныя знаки отличій. Глубоко вникая въ нужды офицеровъ, Государь хорошо понималъ, что занимало ихъ и томило въ далекой чужбинѣ. Дѣйствительно, кому изъ военныхъ людей не извѣстно, сколько тоски и подчасъ самаго жгучаго горя несетъ въ душѣ своей бѣдный офицеръ, оставляя семью, хотя и на родинѣ, но часто безъ всякихъ средствъ къ жизни. Извѣстно также и то, сколько радости, духовной силы приносить ему всякая вѣсть о малѣйшемъ участіи, оказанномъ этой семьѣ не только дѣломъ, даже словомъ. Самыя награды, получаемыя офицерами во время войны, на сколько занимаютъ его по отношенію лично къ самому себѣ, на столько же, если не больше, вслѣдствіе мысли о томъ отрадномъ впечатлѣніи, какое эти награды произведутъ на отца, мать и прочихъ близкихъ; кто бывалъ въ далекихъ походахъ, тому, конечно, знакомо все это. И вотъ, Государь спѣшитъ и тутъ придти на помощь своимъ офицерамъ; онъ приказываетъ подробно доложить о семействѣ каждаго убитаго или раненаго, помогаетъ имъ на сколько возможно и даже дѣлаетъ распоряженіе, чтобы о здоровьи оставшихся при арміи раненыхъ офицеровъ наводились официальные справки и сообщались ихъ родственникамъ. Черта, свидѣтельствующая о высокой добротѣ сердца Императора Николая.

Читая какое бы то ни было описаніе Ольтеницкаго сраженія и вникая въ причины сущности этого боя, невольно наталкиваешься на множество замѣчаній, изъ которыхъ главнѣйшія слышались въ военной публикѣ и въ 1853 г., а именно:

1) Почему мы допустили турокъ занять карантинъ и атаковали ихъ тогда, когда они укрѣпились? и

2) Отчего, рѣшившись на атаку, не приняли всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя могли сдѣлать ее успѣшною и уменьшить нашу потерю въ людяхъ?

Остановимся на этихъ вопросахъ и постараемся разсмотрѣть ихъ на сколько позволяютъ собранныя нами относительно Ольтеницкаго дѣла свѣдѣнія.

Выше сказано, что у турокъ были, такъ сказать, намѣченные пункты для перехода черезъ Дунай; войска ихъ группировались и могли располагаться массами лишь въ прибрежныхъ крѣпостяхъ, ибо только здѣсь они находили все необходимое для довольствія и дѣйствій. Подобныя условія расположенія турецкихъ силъ были

извѣстны въ нашей арміи, особенно въ главной квартирѣ, которая, хотя и черезъ плохихъ лазутчиковъ, а все-таки получала свѣдѣнія о передвиженіяхъ непріятеля. При подобныхъ обстоятельствахъ казалось бы естественнымъ русскимъ войскамъ сторожить преимущественно тѣ пункты на Дунаѣ, которые лежали противъ турецкихъ крѣпостей, и принять заблаговременно всѣ мѣры къ воспрепятствованію въ этихъ мѣстахъ переправы турокъ и занятію ими на нашемъ берегу какихъ-либо пунктовъ.

Въ отношеніи нѣкоторыхъ пунктовъ это и было сдѣлано; такъ, наши войска стояли въ Браиловѣ, Галацѣ, занимали двумя батальонами Журжева, позади котораго, при с. Фратешти-Одая, расположены были главныя силы Соймонова; за то наблюденіе изъ Калараша за Силистріей и изъ Ольтеницы за Туртукаемъ предоставили однимъ казакамъ, а Видинъ оставили совершенно въ покоѣ. Но если невниманіе къ Видину можно объяснить отдаленностью этого пункта отъ средоточія нашихъ силъ, а къ Силистріи — отсутствіемъ населенныхъ мѣстъ, за исключеніемъ Калараша, въ углу, образуемомъ Дунаемъ и рѣкою Яломицею, гдѣ бы могли расположиться резервы, то ничего подобнаго не было въ Ольтеницѣ. Здѣсь пролегала ближайшій путь въ Бухарестъ, мѣстность была достаточно населена и жители владѣли большими запасами провіанта, ведя обширную торговлю хлѣбомъ на Дунаѣ. Между тѣмъ, мы видѣли, что пространство въ 60 верстъ по Дунаю противъ Туртукаея было занято только тремя слабыми сотнями казаковъ; ближайшіе же ихъ резервы, ольвіопольскіе уланы и Селенгинскій полкъ стояли въ Негоешти и Будешти въ 18-ти—22-хъ верстахъ позади, т. е. на разстояніи перехода.

Отчего мы не срыли заблаговременно карантинъ, представлявшій такое закрытіе для переправляющихся турецкихъ войскъ. Вѣдь взорвали же его послѣ 31-го октября, когда Омеръ-паша очистилъ лѣвый берегъ Дуная?

Отчего мы не расположили ольвіопольцевъ съ конною артилеріей, по крайней мѣрѣ, въ Старой Ольтеницѣ, откуда они, имѣя возможность быстро подкрѣплять казаковъ, можетъ быть и не допустили бы турокъ утвердиться въ карантинѣ, выказавъ, что при отрядѣ есть артилерія. Что успѣхъ былъ здѣсь возможенъ, доказываетъ то обстоятельство, что подполковникъ Власовъ три дня боролся противъ турокъ съ одними своими казаками и все-таки не позволилъ имъ занять с. Новую Ольтеницу.

Отвѣчать на первый вопросъ довольно трудно. Карантинъ не срыли, вѣроятно, потому, что этой постройкѣ не придавали того значенія, какое она получила впоследствии.

Что же касается до расположенія ольвиопольскихъ уланъ въ 18-ти верстахъ отъ Ольтеницы, то можно возразить, что для кавалеріи ничего не значить 18-ти-верстный переходъ, а тактика всегда учила и учитъ, что хорошій кавалерійскій начальникъ, не дожидаясь особаго приказанія, самъ долженъ бросаться въ тѣ мѣста, гдѣ можетъ ожидать успѣха отъ своей атаки; въ данномъ же случаѣ, подкрѣпивъ Власова, онъ исполнилъ бы даже прямую свою обязанность: поддержать казаковъ. На дѣлѣ, однако, вышло иначе. Выдвинутый въ Негоешти, дивизионъ уланъ не двинулся съ мѣста, даже начальникъ его былъ вызванъ въ Добрени; командиръ же Ольвиопольскаго полка, оставаясь старшимъ въ Будешти, неизвѣстно подкрѣпилъ-ли хотя впоследствии, казаковъ, согласно обѣщанія адъютанту, такъ какъ о такой помощи въ официальной перепискѣ не упоминается.

Отчего же происходило подобное бездѣйствіе кавалеріи? Отвѣтъ, кажется, можетъ быть такой: это была *регулярная* кавалерія, а при тогдашнихъ порядкахъ истомить лошадей ея на бивакахъ или усиленными переходами, безъ особаго разрѣшенія, считалось у частныхъ начальниковъ чуть не преступленіемъ; такъ смотрѣли на кавалерію не въ одномъ ольтеницкомъ отрядѣ, а почти во всѣхъ кавалерійскихъ частяхъ, стоявшихъ въ княжествахъ, вслѣдствіе чего регулярная кавалерія почти постоянно отдыхала, высылая впередъ казаковъ. Что же касается до подкрѣпленія ольтеницкаго отряда пѣхотою, то выше было сказано, что генераль Павловъ двинулъ было ее въ Негоешти, но и за этотъ ничтожный маршъ получилъ замѣчаніе отъ корпуснаго командира. Такъ пошло дѣло въ затяжку. Донесли корпусному командиру: тотъ сначала счелъ переправу за вздоръ, а потомъ извѣстилъ главнокомандующаго; пошла переписка, и когда, послѣ разныхъ колебаній, князь Горчаковъ рѣшился на атаку, потребовалось время для передвиженія войскъ, да кстати вспомнили и о томъ, что надо же осмотрѣть мѣстность, на которой предполагали драться; на все это потратили четыре дня, которыми и воспользовались турки для укрѣпленія своей позиціи.

Переходя къ другой части вопроса, т. е. нужно-ли было нападать на турокъ, когда они уже укрѣпились, слѣдуетъ прежде всего предположить, что если дѣйствительно Эрпротъ вызывался передъ

главнокомандующимъ взять карантинъ съ двумя баталіонами, то князь Горчаковъ, посылая рѣшительное приказаніе Данненбергу объ атакѣ, по всей вѣроятности, не предполагалъ въ позиціи турокъ такой силы, какая оказалась въ дѣйствительности, чему подтвержденіемъ служить отчасти второе его предписаніе, № 1782, данное до полученія извѣстій отъ Эрпрота, гдѣ разрѣшалось корпусному командиру атаковать лишь при надеждѣ на успѣхъ. Слѣдовательно, на вопросъ, зачѣмъ атаковали укрѣпленную позицію, можно отвѣчать: атаковали потому, что главнокомандующій приказалъ, а приказалъ онъ окончательно тогда, когда выслушалъ донесеніе Эрпрота, которое, вѣроятно, допускало успѣхъ атаки. Конечно, вопросъ этимъ не исчерпывается; можно спросить: отчего Данненбергъ, обозрѣвъ лично позицію, не отложилъ нападенія? Но, вѣдь, онъ могъ предполагать, что Эрпротъ подробно доложилъ обо всѣхъ трудностяхъ атаки князю Горчакову и если, несмотря на это, послѣдовало приказаніе атаковать, то разсуждать было нечего.

Нѣтъ сомнѣнія, что и самому главнокомандующему хотѣлось прогнать поскорѣе турокъ—это понятно; сосѣдство непріятели въ трехъ переходахъ отъ средоточія нашихъ складовъ и госпиталей было неудобно уже потому собственно, что заставляло войска наши держать постоянно наготовѣ, да кромѣ того тревожило сосѣднее къ Ольтеницѣ населеніе, съ Бухарестомъ включительно. Но отъ желанія побить турокъ при выгодныхъ обстоятельствахъ до драки съ ними во что бы то ни стало весьма далеко; тѣмъ болѣе это не могло входить въ расчеты князя Горчакова, человѣка крайне осторожнаго. Вѣдь, не атаковалъ же онъ Калафатъ, когда тамъ укрѣпились турки, несмотря на то, что лично предводительствовалъ войсками; точно также и здѣсь онъ могъ бы подвергнуть турокъ той тѣсной блокадѣ, въ которой войска наши держали Калафатъ. Не вѣкъ бы сидѣлъ Омеръ-паша въ карантинѣ: или онъ вышелъ бы въ поле, гдѣ всѣ шансы были на нашей сторонѣ, или возвратился за Дунай, какъ это онъ сдѣлалъ 31-го октября, ибо, несмотря на численность своей арміи, не могъ онъ одновременно изъ Видина, Туртукая и Силистріи держать войска на нашей сторонѣ рѣки, не ослабляя тѣмъ охраны своихъ пунктовъ на Дунаѣ, въ виду того обстоятельства, что въ одинъ день мы и сами могли пожаловать къ туркамъ въ гости въ такомъ мѣстѣ, гдѣ у нихъ были склады и мало войскъ.

Второй вопросъ, о непріятіи надлежащихъ мѣръ для полного

успѣха атаки и уменьшенія нашихъ потерь, заслуживаетъ наибольшаго вниманія, а потому мы и разберемъ его нѣсколько подробнѣе.

До открытія непріятельскихъ дѣйствій подъ Ольтеницею, войска наши занимали побережье Дуная въ теченіе около двухъ мѣсяцевъ и, конечно, въ такое продолжительное время имѣли полную возможность ознакомиться съ тою мѣстностью, гдѣ имъ, по всей вѣроятности, предстояло дѣйствовать. Военно-статистическія описанія, а равно и карты княжествъ, которыя у насъ были, не могли дать вѣрныхъ свѣдѣній о топографіи страны; сосредоточеніе же турецкихъ силъ въ крѣпостяхъ Силистріи, Туртукаѣ и Видинѣ, намѣчая, такъ сказать, путь дальнѣйшихъ ихъ дѣйствій, требовало подробнѣйшихъ рекогносцировокъ и съемокъ позицій по путямъ, ведущимъ отъ Бухареста къ этимъ пунктамъ, а также описанія всей мѣстности лѣваго берега Дуная. Подобныхъ рекогносцировокъ мы въ главной квартирѣ не видали, а если онѣ и были произведены, то, вѣроятно, хранились въ секретѣ у генераль-квартирмейстера и войскамъ сообщены не были; извѣстно, однако, что задолго еще до открытія военныхъ дѣйствій генераль-квартирмейстеръ самъ былъ около карантина и разсматривалъ въ трубу турецкія укрѣпленія у Туртукаѣ, въ воспоминаніе чего офицеры ольтеницкаго отряда даже назвали одну изъ турецкихъ батарей по фамиліи генерала; но отъ такого, быть можетъ, простаго любопытства далеко еще до подробной рекогносцировки; какъ оказалось изъ послѣдствія въ Ольтеницу подполковника Эррота, поѣздка генераль-квартирмейстера не послужила ни къ чему. Если такъ относились въ главной квартирѣ къ собранію топографическихъ свѣдѣній о странѣ, то, казалось, можно бы ожидать большаго вниманія къ этому предмету отъ начальниковъ тѣхъ войскъ, которымъ приходилось непосредственно дѣйствовать на побережьѣ Дуная, но, къ сожалѣнію, и здѣсь видимъ тоже самое. Собирали-ли штабъ 4-го корпуса, стоя въ Добрени, въ 40 верстахъ отъ Дуная, какія-либо свѣдѣнія о прибрежной полосѣ, посылалъ-ли онъ туда офицеровъ генеральнаго штаба для изученія мѣстности и съемки позицій, какъ бы это слѣдовало, — показаній нѣтъ; но опять, судя по тому, что въ послѣднія минуты передъ сраженіемъ готовились послать полковника Козлянинова 2-го на рекогносцировку къ карантину, а капитана Феоктистова командировали для осмотра праваго берега Аржиса, можно, кажется, предположить, что корпусный штабъ недалеко ушелъ въ этомъ случаѣ отъ дѣятельности главной квартиры.

Наконецъ, если штабы главный и корпусный считали себя какъ бы посторонними зрителями, то, вѣроятно, начальникъ ольтеницкаго отряда, генераль Павловъ, позаботился собрать подробныя свѣдѣнія о мѣстности, стоя въ 22-хъ верстахъ отъ берега Дуная, или самъ лично, или черезъ своего дивизионнаго квартирмейстера. Дѣйствительно, въ началѣ октября генераль Павловъ предпринималъ поѣздку въ карантинъ съ цѣлью осмотрѣть оттуда Туртукаѣ и на обратномъ пути съ трудомъ даже проѣхалъ по ольтеницкому полю вслѣдствіе лившихъ тогда дождей, но этотъ личный опытъ, какъ видно, не принесъ особой пользы. Что же дѣлалъ дивизионный квартирмейстеръ? Первый признакъ жизни, которымъ онъ заявилъ о себѣ, была рекогносцировка праваго берега Аржиса, произведенная имъ утромъ въ день сраженія, по приказанію начальника корпуснаго штаба, полученному вечеромъ 22-го октября; о результатѣ рекогносцировки онъ, однако, доложилъ не прямому своему начальнику, генералу Павлову, который въ тотъ день долженъ былъ сражаться на Аржисѣ, а начальнику корпуснаго штаба; чѣмъ и кончилась роль его, какъ дивизионнаго квартирмейстера, такъ какъ передъ сраженіемъ онъ былъ замѣненъ въ этой должности другимъ офицеромъ, капитаномъ Батезатуломъ. Что дѣлалъ дивизионный квартирмейстеръ до Ольтеницкаго сраженія, осматривалъ-ли впередилежащую мѣстность, собиралъ-ли о ней какія-либо свѣдѣнія, исполнялъ-ли какія-либо порученія генерала Павлова — не знаемъ; по крайней мѣрѣ, фактическая дѣятельность этого офицера нигдѣ и ничѣмъ не заявлена. Кто виноватъ тутъ, начальникъ-ли дивизіи или офицеръ генеральнаго штаба? Не имѣя точныхъ данныхъ для отвѣта на заданный вопросъ, позволимъ, однако, для нѣкотораго разъясненія дѣла, упомянуть о томъ положеніи, въ которомъ находились тогда дивизионные квартирмейстеры по отношенію къ своимъ начальникамъ дивизій.

Положеніе этихъ офицеровъ генеральнаго штаба въ то время было крайне ненормально. Не входя непосредственно въ составъ управленія дивизіи, они дѣлами ея не занимались, а слѣдовательно сойтись, какъ говорится, по службѣ съ начальникомъ не могли, войти же съ нимъ въ болѣе близкія отношенія, какъ человѣкъ съ человѣкомъ, было имъ еще труднѣе, ибо чины ихъ и служебная постановка такъ разнились между собою, что по понятіямъ того времени о дисциплинѣ трудно было и допустить какое-либо близкое знакомство генераль-лейтенанта съ подчиненнымъ ему капитаномъ

или подполковникомъ; конечно, бывали изъ этого правила исключенія, но чрезвычайно рѣдкія. Въ мирное время, за исключеніемъ лагерныхъ сборовъ, дивизионный квартирмейстеръ рѣдко и жилъ при дивизіи, занимаясь или составленіемъ статистическихъ описаній, или исполняя какую-либо другую обязанность при корпусномъ штабѣ; отсутствіе его почти не замѣчалось, такъ какъ даже тѣ немногія обязанности, которыя долженъ былъ нести офицеръ генеральнаго штаба, сплошь и рядомъ исполнялись адъютантами дивизіи, напримѣръ, составленіе маршрутовъ, дислокацій и пр. Подтвержденіемъ сказанному можетъ служить отчасти самое Ольтеницкое дѣло: когда, по полученіи извѣстій о переправѣ непріятеля, генералъ Павловъ послалъ осмотрѣть позицію турокъ не дивизионнаго квартирмейстера, а своего адъютанта.

Итакъ, мѣстность ольтеницкаго поля сраженія осталась неизслѣдованною на сколько то было нужно, а если кому и были извѣстны ея неудобства въ ненастную погоду, то на отстраненіе ихъ не было обращено должнаго вниманія.

Но бой рѣшенъ, войска идутъ въ дѣло, посмотримъ же на строй ихъ и дѣйствія.

Мы видѣли, что въ диспозиціи, отданной на 23-е октября корпуснымъ командиромъ, былъ указанъ порядокъ вступленія войскъ на поле сраженія, а относительно строя было сказано, что баталіоны Селенгинскаго полка, двигаясь въ началѣ въ колоннахъ изъ середины, «по мѣрѣ прибытія въ назначенныя мѣста, выстраиваются въ колонны къ атакѣ», причемъ всѣ штуцерные полка слѣдуютъ въ головѣ правой колонны. Таковъ былъ строй, назначенный войскамъ для дѣйствія на совершенно открытой мѣстности (если не считать небольшихъ ложбинъ и лѣска на берегу Аржиса) подъ сильнымъ огнемъ засѣваго за ложементы противника. Головнымъ баталіонамъ даже не придали саперовъ для исправленія размытыхъ дорогъ и наброски хвороста въ мѣстахъ перехода черезъ канавы, и хотя при отрядѣ находилась цѣлая саперная рота, но она все время простояла въ Новой Ольтеницѣ, составляя конвой корпуснаго командира. Былъ ли подобной строй пригоденъ въ данныхъ обстоятельствахъ—показало само дѣло; съ своей же стороны считаемъ не бесполезнымъ припомнить тѣ уставныя и тактическія правила, на которыхъ выросли распорядители Ольтеницкаго боя.

Наполеоновскія войны оставили намъ слишкомъ соблазнительный примѣръ массированія войскъ, отъ котораго мы не могли еще

отречься и въ 1853 году. Густыя колонны, поражая своею грандіозностію, особенно при трехшереножномъ строѣ, составляли одно изъ самыхъ эффектныхъ построений и служили предметомъ немалого увлеченія для тогдашнихъ начальниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, картина была увлекательная, когда дивизія въ шестнадцатитысячныхъ баталіоновъ, сплочиваясь въ массу, двигалась по одному взмаху руки, и когда начальникъ ея, самъ взволнованный, скомандовалъ «на руку», становился въ головѣ колонны и велъ ее куда-то въ пространство. Становилось даже жутко отъ одной мысли встрѣтиться съ этою массою; такъ и казалось, что она должна уничтожить въ прахъ все встрѣчающееся на пути. Примѣръ, говорятъ, заразителенъ: страсть къ колоннамъ постепенно отъ старшихъ начальниковъ перешла къ младшимъ и не проходило баталіоннаго ученія, на которомъ командиръ не заставилъ бы нѣсколько разъ построить колонну къ атакѣ и взводную для церемоніальнаго марша. Примѣненіе правилъ этой тактики видимъ и въ диспозиціи на 23-е октября, въ которой предписывалось вести войска въ колоннахъ изъ середины, затѣмъ, въ колоннахъ къ атакѣ, прикрывъ штуцерными. Конечно, другой начальникъ, несмотря на всѣ правила, можетъ быть, повелъ бы свои баталіоны и въ ротныхъ колоннахъ, но такихъ въ Ольтеницкомъ сраженіи было немного.

Независимо отъ строя, слѣдуетъ вспомнить и о тогдашнемъ вооруженіи.

Пѣхота наша въ 1853 году имѣла, какъ извѣстно, пистонныя гладкія ружья, а штуцера были даны лишь шести лучшимъ стрѣлкамъ въ каждой ротѣ (кромѣ стрѣлковыхъ баталіоновъ, по одному на корпусъ). Съ такимъ оружіемъ вступили мы въ борьбу съ коалиціей важнѣйшихъ государствъ Европы, и когда въ арміяхъ Франціи и Англій, высланныхъ на помощь Турціи, господствовало нарѣзное оружіе, когда даже Турція вывела въ Ольтеницкій бой два баталіона стрѣлковъ, мы, изъ пистонныхъ ружей, при самыхъ выгодныхъ условіяхъ, могли выпускать по два выстрѣла въ минуту, поражая на 300 шаговъ.

Итакъ, вооруженіе нашей пѣхоты было неудовлетворительно, не говоря уже объ общемъ ея снаряженіи, какъ-то: обмундированіи, пригонкѣ амуниціи и проч.; преданія же, гоньба за эффектами и даже сама тактика рекомендовали густыя колонны, не обращая вниманія на вооруженіе противника, а въ довершеніе всего самъ командующій войсками, князь Горчаковъ, при вступленіи въ кня-

жества издалъ «Руководство для боя противъ турокъ»¹⁾, въ которомъ, между прочимъ, были помѣщены слѣдующія наставленія:

§ 1-й. Противъ турокъ должно вообще избѣгать боя разсыпнымъ строемъ, даже въ мѣстахъ пересѣченныхъ или покрытыхъ высокими кустарникомъ. Предохранять, въ случаѣ нужды, твердый фронтъ отъ огня пѣшихъ турецкихъ стрѣлковъ или фланкеровъ всего лучше посредствомъ сомкнутыхъ застрѣльщицкихъ взводовъ или ротъ въ ротныхъ колоннахъ, выдвинутыхъ впередъ шаговъ на 100 или 150 за какія-либо неровности мѣста. Съ приближеніемъ непріятельской конницы, взводамъ этимъ или ротамъ должно строить кучки или каре и отступать къ баталіонамъ.

§ 2-й. Цѣпи употреблять только въ самыхъ лѣсистыхъ мѣстахъ, поддерживая ихъ всегда сильными резервами въ сомкнутыхъ взводахъ или ротныхъ колоннахъ.

§ 3-й. Пѣхотѣ вообще ходить походомъ и строиться для боя въ колоннахъ къ атакѣ²⁾.

§ 7-й. Колонны первыхъ двухъ линій должны быть на интервалахъ отъ 150 до 200 шаговъ. Первая линія отъ второй на 200 шаговъ; резервъ, если менѣе трехъ баталіоновъ и безъ артилеріи, то въ 200 шагахъ отъ второй линіи; если три или болѣе баталіоновъ или даже два или три баталіона и при нихъ батарея, то не менѣе какъ на 400 шаговъ. Если резервъ значителенъ, напримѣръ, въ четыре баталіона и болѣе, и при немъ артилерія, то должно держать его отъ второй линіи въ 600 шагахъ и болѣе.

§ 18-й. Всѣ эти правила не мною придуманы: они были постановлены и всегда соблюдаемы генераль-фельдмаршаломъ княземъ Варшавскимъ въ знаменитыхъ его походахъ противъ персіянъ и турокъ. Намъ остается только слѣдовать его примѣру.

§ 22-й. Штуцерныхъ людей въ передовыя цѣпи не высылать, а имѣть собранными въ каждомъ баталіонѣ или полку, и выдвигать ихъ, вмѣстѣ съ застрѣльщицкими взводами или съ ротною колонною впередъ, за неровности мѣста, сомкнуто, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ надобности, тѣ и другіе отступали кучками къ твердому фронту, какъ сказано въ § 1-мъ.

¹⁾ «Руководство для боя противъ турокъ». Бухарестъ. Изъ военно-походной типографіи войскъ 4-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ 1853 года.

²⁾ Во время переходовъ, смотря по надобности, изъ колонны къ атакѣ строится или колонны по отдѣленіямъ, изъ середины, или шестирядныя.

Какую пользу извлекли войска изъ этихъ наставленій, хотя и подкрѣпленныхъ ссылкой на всемогущій въ то время авторитетъ князя Варшавскаго—судить не беремся, но одно то, что приведенныя правила, какъ видно, не принимали въ расчетъ новаго вооруженія турецкой пѣхоты, дѣлало ихъ уже малополезными въ болѣе части случаевъ.

Говоря выше объ обученіи войскъ и пристрастіи тогдашнихъ начальниковъ къ густымъ колоннамъ, мы замѣтили, какъ это пристрастіе старшихъ начальниковъ въ строю постепенно переходило къ младшимъ; но въ эпоху Ольтеницкаго сраженія и послѣ него не разъ можно было услышать въ военныхъ кружкахъ другое мнѣніе, а именно, что младшіе начальники исполняли лишь указанія устава и старшихъ, и что эти послѣдніе, въ свою очередь, руководились указаніями свѣше. Считаемо необходимымъ замѣтить при этомъ, что самъ Императоръ Николай Павловичъ не любилъ стѣснять распоряженій отдѣльныхъ начальниковъ на театрѣ войны. Напротивъ, всѣ извѣстные до нынѣ документы свидѣтельствуютъ о той замѣчательной свободѣ дѣйствій, какою пользовались наши главнокомандующіе во всѣхъ войнахъ той эпохи. Для доказательства же того, какъ именно смотрѣлъ Государь на дѣйствія своихъ войскъ въ Ольтеницкомъ сраженіи и на распоряженія ихъ начальниковъ, приводимъ выдержки изъ письма, адресованнаго 12-го декабря 1853 г., бывшимъ военнымъ министромъ княземъ Долгоруковымъ генераль-адъютанту князю Горчакову.

«Государь Императоръ, разсмотрѣвъ въ подробности описаніе дѣла подъ Ольтеницею, изволилъ еще болѣе удостовѣриться въ примѣрномъ, выше всякой похвалы, мужествѣ войскъ, въ семъ дѣлѣ участвовавшихъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Его Величеству представились слѣдующія соображенія:

1) Двухъ батарей было мало, чтобы уничтожить артилерію укрѣпленій, тѣмъ болѣе, что на правомъ берегу Дуная устроены были турками еще другія батареи.

2) Самая атака пѣхотой, вопреки всѣхъ правилъ, ведена колоннами къ атакѣ въ почти сплошномъ построеніи, ибо вторая линія и уступы были почти безъ интерваловъ.

3) Слѣдовало въ помощь артилеріи имѣть цѣпь всѣхъ штуцерныхъ бригады, которымъ сосредоточивать свой огонь по амбразурамъ.

4) Потомъ переднюю линію вести ротными колоннами въ шахматномъ порядкѣ или въ двѣ линіи со стрѣлками въ интервалахъ.

5) Третью линію и резервъ имѣть, по крайней мѣрѣ, на 300 шаговъ позади, въ колоннахъ къ атакѣ, и не застѣть дѣйствій своихъ батареями.

6) Тогда потеря была бы умѣреннѣе и, вѣроятно, успѣхъ былъ бы соотвѣтствующій пожертвованіямъ.

Государь Императоръ поручить мнѣ изволилъ о вышеизложенномъ сообщить вашему сіятельству, но отнюдь не въ видѣ осужденія распоряженій лицъ, командовавшихъ подъ Ольтеницею, такъ какъ распоряженія эти могли быть основаны на обстоятельствахъ и данныхъ, здѣсь неизвѣстныхъ, о коихъ въ этомъ случаѣ Его Величество ожидать изволилъ вашихъ объясненій».

Н. 3—въ.